

Ася Невеличка

**Любовь не
ОБСУЖДАЕТСЯ**

Ася Невеличка

Любовь не обсуждается

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66871153
2022

Аннотация

Однажды я обидела сына непростого человека и тут же оказалась под его давлением:

– Ты ничего не знаешь об унижении. Но я обещаю, что скоро станешь профи в этом вопросе.

И жернова закрутились, стирая меня и мою гордость до костей. Я бы не пережила позора, если бы меня не поддержал его младший брат.

Но даже тут старший не проявил жалости, разрывая нашу связь:

– Любовь не обсуждается.

Тогда почему сам вцепился в меня? Что ему еще от меня надо?

Содержание

Глава 1. Адреналин	4
Глава 2. Ничего не будет	16
Глава 3. Рудимент	35
Глава 4. Букеты и конфеты	48
Глава 5. Переезд	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ася Невеличка

Любовь не обсуждается

Глава 1. Адреналин

Студенческая вечеринка перешла в пиковую стадию, когда за окнами раздалась сирена. Пожар? Полиция? Скорая?

Мы все прилипли к окнам, протискиваясь вперед, отталкивая друг друга. Кто-то из парней удирал из окон с противоположной стороны. Хорошо, что тусняк собрали на первом этаже.

Подруга пожала плечами, проследив за моим взглядом:
– С пудрой, наверное. Ссат залететь.

Я кивнула, понимая, что на вечеринке, где есть алкоголь, мальчишки и девчонки, найдутся уроды, которые притащат наркоту. Но сейчас мы с Гелькой протискивались к окнам.

– Что там?

– Кто?

– Что-нибудь видно?

– Президент?

– Иди ты! В нашу общагу?..

Когда я пролезла к запотевшим окнам и протерла себе пяточку, Гелька уже орала мне в ухо:

– Ирка, беги! Это за тобой! Прячься!..

И я побежала прятаться.

Я даже не стала смотреть, кто там приехал. Мне не нужно видеть смерть собственными глазами, чтобы от нее удрать. Я рванула наверх, но у лестницы остановилась. Мою комнату обыщут первой. Спрятаться в других? Их скорее всего тоже проверят. Каждый шкаф. Тогда где?

Почему-то бросилась в женский туалет. Заперлась в кабинке и с ногами залезла на унитаз.

Глупо! Глупо!

Это я поняла, когда через пять минут дверь вышибли ногой и надо мной склонился ухмыляющийся парень. Именно парень. Чуть старше меня, но ненамного. Он не мог быть отцом того гаденыша, которого я оскорбила.

Но парень искал меня.

– Это был глупый поступок, девочка, задевать моего племянника.

Ах, вот что. Племянника!

Я вздернула подбородок выше, встала с унитаза, чтобы не смотреть на парня снизу-вверх, и его же тоном съязвила:

– А у племянничка кишка тонка лично со мной разобраться?

Кривая ухмылка сползла с лица парня, а в следующую секунду он выдернул меня из кабинки за шкурку и впечатал в стену туалета, отделанную старым, местами сколотым кафелем.

Я вскрикнула, когда острая кромка битой плитки пореза-

ла мне щеку.

– Дура! Ты меня на коленях должна умолять прикрыть от Ника!

Он почти шипел мне в ухо, удерживая у стены, а я пыталась сообразить, кто такой Ник.

– Он размажет тебя, как белок о стену, – продолжал угрожать парень.

Я невольно хохотнула. То ли дешевый баночный коктейль булькнул, то ли от страха разум помутился, но мне показалось забавным, что меня как бы уже размазывают о стену.

– Тебе еще смешно? – кажется, он удивился.

Настолько, что развернул, отпуская затекшую шею и поворачивая к себе лицом. Заметил порез, нахмурился.

– Зачем ты полезла к Стасу?

Ага, значит из-за этого засранца проблемы. Угадала.

– Потому что нельзя быть таким самоуверенным козлом, – выплюнула я слова, злясь на этого Стаса и мысленно клянясь найти его и еще добавить.

– В нашей семье нет козлов, запомни, дура.

Я издевательски улыбнулась.

– А по мне, козел на козле и козлом погоняет!

Он как-то молниеносно размахнулся и ударил меня по щеке наотмашь. Я даже не успела заметить этого жеста. Он меня ошеломили.

– Козел, – прошептала я, прикрывая руками лицо.

– Ты не очень сообразительная, да?

Когда поняла, что второго удара не будет, снова посмотрела в лицо парню. Некоторое сходство со Стасом у него точно имелось. Или уж точнее, Стас явно унаследовал семейные признаки.

Парень был красив, даже сексуален, когда не корчил губы в кривой усмешке. Темноволосый и черноглазый, с высокими скулами и какими-то нереально-идеальными чертами лица.

Если бы он учился в нашем универе, я наверняка бы бегала в толпе его поклонниц и сейчас бы билась в судорогах экстаза только оттого, что он почти прижимается ко мне.

Но у нас была совершенно противоположная ситуация. И я не была его поклонницей.

– Если ты не хочешь питаться дерьмом и жить в дерьме, то завтра при всех подойдешь к Стасу, встанешь на колени и попросишь у него прощения за все, что сказала, – сквозь зубы зашипел парень.

– Что? – возмутилась я. – А ноги ему не поцеловать?

– Сейчас договоришься и будешь целовать.

– Да пошли вы...

Я попыталась отбить его руки и вырваться, но парень снова перехватил за горло, а другой рукой больно вцепился пальцами между ног.

Я бы заорала, но мне не хватало воздуха сделать даже нормальный вдох.

– Как же бесят тупые студентки, – как будто с сожалени-

ем проговорил парень. — Тебя никогда не пускали по кругу? Скажем, пять, семь ребят? По лицу вижу, что нет... Но это не предел. Я смогу обеспечить тебя десять, двенадцать. Только представь, как они будут пялить тебя во все дыры.

Не хотела и не могла представить, но вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

— Завтра. На коленях. Громко принесешь Стасу извинения. Кивни, если согласна.

Я постаралась кивнуть. Не думала, как я это буду делать... Унизительно, подло... Но сейчас мне хотелось, чтобы этот мудака отпустил и ушел!

Он отпустил.

— Я поняла. Все поняла, — прохрипела, отдышавшись. — Не связываться ни с кем из вашей шизанутой семейки.

По его сдвигающимся бровям поняла, что снова переборщила с эпитетами.

— Извини. Просто ни с кем из вашей семьи.

— На колени.

Он издевается?

Но судя по черным глазам, парень серьезно собирался поставить меня на колени в туалете.

Я медленно опустилась. Скорее бы закончился этот долбаный день!

— Целуй.

— Ты издеваешься? — я задрала лицо, смотря на него снизу вверх.

– Целуй, пока не передумал и не заставил отсосать.

Для меня это была какая-то несовместимая с реальностью дикость! Оказывается, Стас у них божий одуванчик! А я-то на него наехала как на последнего отморозка.

Черт!

Я опустилась к его туфлям, каким-то нереально чистым, как будто он по воздуху в них ходит, и прислонила губы к носкам губами. Пофиг на собственную самооценку. Я надеюсь больше никогда в жизни не видеть этого придурка. А сама под дулом пистолета никому не скажу!

– Пару минут не выходи отсюда. Я уведу Ника.

И парень вышел, оставив меня в туалете в унижительной позе.

Кто такой Ник?

Я встала и тщательно мыла руки с мылом, потом лицо, шею, смывая с себя его прикосновения. Взяла зубную щетку, чтобы стереть вкус его ботинок на губах.

Ненавижу! Всех до единого!

Я не думала, что, обламывая первокурсника Стаса, мелкого мажорчика, который только дорвался до студенческой жизни, влипну в неприятности с его семьей.

Да, он обещал, угрожал, орал мне в спину, что я сильно пожалею, что не на того наехала. Но орут все! А я была рада, что смогла показать зарвавшемуся студенту его место. Девчонки смотрели на меня как на своего героя. До меня никто ничего не решался сказать Стасу. Ведь у него ПА-ПА!

Кто его папа, я не знала и знать не хотела. Мне вообще знакомства с дядей хватило.

Семья дебилов и уродов!

Может, Ник – папа? Ну нет... Ну не может же взрослый человек быть таким же козлом, как сын и брат?

Или может?

Я поморщилась, чувствуя, как щиплет рану на щеке. Сейчас возьму у Гельки ключ от комнаты и обработаю перекистью.

Прошло минут десять с момента как отсюда ушел тот псих, поэтому я спускалась без всякого страха. К тому же музыка возобновилась, ребята снова отрывались на вечеринке, а вот мое настроение было испорчено безвозвратно.

До Гельки я не дошла.

Увидела ее сидящей в углу на диване, страшно напряженной, с округлившимися от ужаса глазами.

– Гель, дай ключ...

– Беги! – ненормально заорала она, а я даже дернуться не успела.

Сзади кто-то схватил меня за волосы и намотал на кулак.

– Пойдем поговорим, – раздался холодный глубокий голос, от которого внутри все завибрировало.

Это и есть Ник? Но псих же обещал, что все уладит!

Через секунду я увидела холеное лицо взрослого серьезного мужчины. В жизни бы не подумала, что он способен на подобный поступок, если бы не висела у него в руке на соб-

ственных волосах.

– Ирина Нестерова?

– Да... Отпустите.

– Успеешь.

Он швырнул меня за спину не глядя, и я угодила между двух амбалов, которых не заметила, когда спускалась с лестницы. Как? Ну как их можно было не заметить?!

До меня только сейчас начало доходить, что вечеринка как-то странно проходит – все сидят по скамейкам и подоконникам, не пьют, не курят и не танцуют. Словно пришел физрук и рассадил их перед тем, как начать истязать физическими упражнениями.

Только в данном конкретном случае физруку нужна была только я, чтобы растянуть меня на шпагат.

– Ты Ник? – спросила я на ходу в широкую спину мужчины.

И тут же получила затрещину от амбала:

– Не тыкай ему, соска.

Я заткнулась, а этот урод в костюме даже не повернулся. Значит, бить меня разрешается. Плохо.

– Я же с парнем договорилась! Что завтра попрошу у Стаса прощение. Правда! Он вам не сказал?

Вываться от амбалов не получалось, как только я начала крутиться, они выворачивали руки, что я сразу оказывалась на грани обморока перед болью. У трех черных машин с мигалками мы остановилось, и меня наконец-то отпу-

стили.

Легче не стало. Стояла промозглая осень, когда по ночам уже морозило. А выволокли меня в одной короткой юбке и футболке-безрукавке.

Мужик дошел до машины и повернулся ко мне.

– Я не посылал к тебе никаких парней. Договариваться будешь со мной.

– Кто вы?

– Никита Сергеевич Тобольский, отец Станислава.

Ник. Странно, я думала, Ник – это сокращение от Николая.

– Я уже договорилась с вашим братом, – еще раз попыталась объяснить я.

– Это твои проблемы. Значит придется прощение просить дважды, – спокойно проговорил Никита.

Он вообще не напрягался и не напрягал голоса, каждый раз приходилось вслушиваться в то, что он говорит.

Мне терять уже было нечего. Я замерзала. Обхватила себя руками и попыталась ответить, не клацая зубами.

– Хорошо, попрошу у него прощения два раза.

– Не у него. У меня.

Я с удивлением посмотрела на взрослого дядьку, немного шалея, как можно быть таким большим и таким... отбитым, что ли?

– Вы серьезно? А у вас то за что? Я вам ничего не сделала!

– У тебя бы и не получилось, но ты меня достала через сы-

на. Сын – моя семья и мое самое слабое место. И ты, мелкая вша, ударила по самому незащищенному месту. Вот чтобы никому больше не пришлось в голову воспитывать *моего* сына, я на твоём примере покажу, что с ними будет.

– Я его не воспи...

– Заткнись.

Зубы все же клацнули, когда у меня от холода свело челюсть.

– Завтра ты попросишь у Стаса прощения. По этому вопросу к брату никаких претензий. А вечером придешь по вот этому адресу и отработаешь по полной.

Сбоку мне в руку сунули визитку. Я не смотрела, кто дал, но сразу прочитала адрес.

– Что значит “отработаю”?

На карточки стояло название клуба. Но там могло быть много разных вакансий, от посудомойки и официантки до девчонки “go-go”. Хотелось бы знать подробности.

– То и значит. Мы с друзьями собираемся поиграть в карты, выпить, посидеть в сауне. А ты и еще пара девочек займетесь нашим досугом.

Я скривилась, швырнула карточку ему в лицо, жаль, она не долетела:

– Я не проститутка!

Развернулась и тут же уперлась в сомкнувшихся в непреодолимую стену амбалов.

– Вы все шлюхи, просто вам еще не показали ваше место.

Я развернулась, просто закипая от бешенства:

– Вы... вы... Знаете, теперь я понимаю, в кого Стас такой козел!

Сзади мне тут же подбили под колени, и я упала перед Тобольским. Меня держали согнутой перед ним, но снова схватили за волосы и задрали голову, чтобы я видела стоявшего передо мной мудилу.

– Он говорил, что у тебя грязный рот и ты не сдержана на язык, – задумчиво произнес Ник, разглядывая меня в свете фонарей и окон общежития.

Я старалась не думать, какой сейчас спектакль разыгрывается перед всеми студентами универа. Подумаю об этом завтра. Может быть.

– Что ты раздаешь оскорбления направо и налево. И он просто хотел проучить тебя.

– Он врет!

Сзади пребольно дернули за волосы. Я замолчала.

– А мне кажется, мой сын прав. Ты оскорбляешь других, чтобы унижить, но ты ничего не знаешь об унижении. Но я обещаю, что скоро станешь профи в этом вопросе.

Он наклонился и рванул на мне футболку, разрывая ее от выреза до самого конца. Я закричала.

– Подержите ее. И снимите это недоразумение с задницы.

Я пыталась сопротивляться амбалам, но меня быстро раздели до трусов, не давая закрыться руками.

В это время Тобольский достал бутылку шампанского из

машины, снял проволоку и затряс, направляя на меня. Крики абсолютно ничего не изменили. Через пару секунд я стояла голая и облитая шампанским на морозе перед окнами общежития.

Тобольский наклонился, подобрал припорошенную снегом и грязью визитку, сунул мне за резинку трусов и жестом велел парням отпустить меня.

– Завтра. В девять вечера. По этому адресу. Приносить извинения тоже надо учиться.

Он развернулся и сел в машину. Двор резко опустел, а машины синхронно выехали и умчались прочь, унося с собой весь сегодняшний ужас.

Я очнулась, только когда сзади подбежала Гелька и накрыла меня кофтой, со слезами причитая:

– Что же будет... Что же будет...

– Ничего не будет, – опустошенно ответила я. – Меня припугнули и уже забыли.

Глава 2. Ничего не будет

Ночью я не спала. Меня трясло от нервного озноба. К утру поднялась температура и я поняла, что, возможно, виноваты не только нервы.

– Гель, ты иди, я в комнате останусь. Мне что-то плохо.

– Не удивительно. Может таблеток каких купить?

– У меня что-то есть. Не переживай.

– А что с этим... С козлом?

Я поняла, что Гелька имеет в виду Стаса. Я успела ей вчера все рассказать, когда мы закрылись от всех любопытных в своей комнате.

– Ничего. Обойдется без извинений.

– Ты уверена?

Я ни в чем не была уверена. Даже события прошлой ночи сегодня казались каким-то кошмарным сном. Не могут же взрослые люди быть такими отмороженными, как и их сыночек? Или могут?

– Если они вчера были под кайфом, то сегодня им точно не до меня. Надеюсь, даже не вспомнят, – проговорила и отвернулась к стенке.

От слабости и температуры я почти моментально уснула, просыпаясь за день всего пару раз, чтобы попить воды и сбежать в туалет.

Вечером ни в какой клуб я не пошла, но с девяти часов

села на подоконник и наблюдала за подъездами к общежитию, почти каждую секунду ожидая рева сирен и подъезжающие катафалки.

Но никого не дождалась. От сердца отлегло. Настолько отлегло, что на следующий день я встала здоровой.

– Может хотя бы к медсестре сходишь? – волновалась Гелька.

– Зачем? Со мной все в порядке!

Настроение улучшилось. Унизительные моменты забылись. И я готова была учиться дальше и жить обычной студенческой жизнью. Единственный урок я все же вынесла – никогда не пересекаться с мажором. Не знаю, что курит его семейка, но что-то очень токсичное. И мне таких знакомых не нужно.

Первая пара прошла без происшествий, а вот на перемене я чуть не навернулась с лестницы, когда гондон Стас поставил подножку.

– Ты debil?! Хотя чего я спрашиваю, если знаю ответ!

– Ты ничего не забыла, детка? – нагло ухмыляясь, проговорил Стас.

Я знала, чего он хочет, зачем собрал своих дружков, чтобы мое унижение было максимально полным. Те уже приготовили свои дорогие смартфоны, чтобы тут же выложить мои извинения в сеть.

– Ах да... Я кое-что обещала твоему дяде, – проговорила я, сделав голос очень жалостливым и медленно направляясь

к козлу и его блеющим приятелям.

– Ир, ты чего? – дернула меня за рукав Гелька, но я от нее отмахнулась.

– Стасик, за тебя так просил твой дядя... Так просил... Что я осознала, что ты с одного раза не понимаешь!

На последнем слове я рявкнула и выставила фак перед его вытянувшейся рожей.

Кто-то из парней его окружения прыснул, но все дисциплинированно снимали на телефоны.

Я развернулась и пошла своим путем, слушая истеричные вопли Стаса:

– Шлюха! Ты пожалеешь, соска! Но теперь одних извинений будет мало! У всех нас отсосешь!

В какой-то момент мне стало не по себе. Но я уже решила, что сообщу об инциденте ректору и попрошу исключить этого дебила из универа или не допускать его тупую семейку в общежитие.

Мысль была здоровой, и Гелька меня поддержала. После третьей пары я поднялась в приемную.

– А, Нестерова, ты вовремя, – встретила меня секретарь нашего ректора. – Как раз тебя искать хотела иди. Заходи, он ждет.

Это было странно, ведь вряд ли ректор знал, что я собираюсь просить у него защиты. Но я вошла, поздоровалась и села на указанный стул.

– Я вынужден сообщить тебе об отчислении, – с места в

карьер бросился ректор.

Сердце ухнула в пятки.

– Это как?

И тут ректор утратил всю свою представительность и развел руками, выдавая свою полную растерянность:

– Я не знаю как! Мне позвонили из министерства и сказали найти причину, чтобы исключить.

– Но...

– А если не найду, то снимут меня с должности. Я не знаю, с кем ты и где сцепилась, но очень советую тебе написать заявление самой. Если все утихнет, через год вернешься, попробуем восстановить тебя как после академического отпуска.

Я сидела как пришибленная, а ректор придвинул мне листы бумаги и ручку.

– Очень советую тебе исчезнуть и не пытаться перевестись в другие ВУЗы. Полагаю, учиться тебе тут не дадут.

– Мне некуда уезжать, – призналась я. – Мама с папой в командировке, квартиру сдали на год. Мы просто не рассчитывали, что может случиться что-то подобное...

– Очень жаль, Нестерова, но из-за тебя никто не будет рисковать карьерой.

Он нервничал, я видела, но взять ручку и написать заявление не могла.

– Не буду писать. Ищите причину. И найдите очень убедительную, потому что я пойду жаловаться.

– Тебе мало нажитых врагов, – удивился ректор, – готова увеличить их количество? Я найду. Найду и выставлю тебя, но уже без права восстановиться!

Покидала я административный корпус еще более расстроенная и напуганная. Думала, что это дно. Но оказалось, мне есть куда скатываться.

У общежития перед входом стояли мои вещи. Наспех собранные две сумки и плачущая Гелька:

– Ира, что происходит? Почему тебя выселяют? Ир? Может, ну его, этого козла, попроси прощения и все закончится.

– Нет, Гелечка, ректору из министерства звонили! Все только начинается.

Еще никогда мои слова не были такими пророческими.

Но так просто я не ушла. Я поднялась к коменданту общежития и попросила предъявить мне что-то посерьезней заверения, что ей позвонил ректор и распорядился.

В ответ передо мной легла распечатанная бумага из почты, выписка из приказа о выселении из общежития всех не иногородних студентов.

– И что же, я оказалась единственной не иногородней?

Комендант пожала плечами, а потом схватила за руку и зашептала в ухо почти тоже самое, что до этого говорил ректор.

– Зря ты с Тобольским связалась. Мы плакали все, когда они в наш университет заявление подали! А ты с ним так... Помиришь, деточка. Ведь они жить тебе не дадут в этом го-

роде. Хотя бы вообще в покое оставили.

– Надо было спустить ему все издевательства? – в голосе прорезалась горечь.

Сзади стояла только Гелька, а уж она-то знала, почему я наехала на Стаса. Так что ничего такого в том, чтобы об этом узнала комендант, не было:

– Из-за него одна девчонка упала с лестницы и попала в больницу с сотрясением мозга. Другую прижали его дружки и изнасиловали. Он же не может пройти мимо, чтобы не засунуть руку в трусы! Знаете, на чем я его поймала? Он стоял в пролете и баловался зажигалкой! Проверял у всех ли девочек, эпилированы ноги. Не пахнет ли палеными волосами!

– Соглашусь. Дикость. Но все мальчики в его возрасте балуются. И заигрывают с понравившимися девушками...

– С каждой? Доводя их до истерики и больниц? Вынуждая уходить из университета, потому что в полиции просто не приняли заявления об изнасиловании?!

Комендант поморщилась:

– Не кричи. Никто ничего не смог сделать. И ты не сможешь. Так зачем пытаешься воевать против танка с голыми руками?

– То есть вы понимаете, какой он... Какие *они* уроды, и молчите?

– А что мы можем сделать? – теперь и комендант потеряла свое непоколебимое спокойствие. – Тебя просто отчислили и выселили. Но ты поступишь в другой ВУЗ, найдешь другую

квартиру. Мама и папа помогут. А нам что делать? У нас семьи! Это единственная работа, которая кормит. С нами же вообще нянчиться не станут – выкинут на улицу и заменят более тихими, кто стерпит.

– Ну и терпите! А я не буду.

Я развернулась и пошла на выход, где стояли две мои сумки с вещами.

– Ира! Ну куда ты пойдешь! Ира, стой, – заверещала Гелька, кидаясь за мной, но я не остановилась.

Было так горько и обидно, что слезы против воли текли из глаз, горло раздирали беззвучные рыдания. Только рано я расслабилась. Когда вышла из общежития с планами обзвонить всех подруг, которые смогут приютить, на крыльце меня ждал тот парень, дядя Стаса.

Он выхватил у меня из рук телефон, с размахом бросил на крыльцо и сверху еще припечатал каблуком своих пижонских ботинок, которые я уже пробовала на вкус.

– Ты debil?! – взвизгнула я и тут же получила по лицу пощечину, моментально трезвея и прикусывая язык.

– Смотри какая неприятность, телефончик твой упал и разбился, – ухмыляясь, процедил он, продолжая топтаться на осколках смартфона.

– Это вы его разбили, – вмешалась подруга.

– Геля, уйди, – предупредила я.

Не хватало еще подругу вмешивать в это.

– Смелась, – милостиво разрешил парень.

Геля помялась еще полминуты и ушла. Уж лучше так. Падать на дно, так в одиночку. Сама виновата. Можно, наверное, было как-то по-другому замять скандал. Теперь поздно.

— Где планируешь остановиться на ночь? — как ни в чем не бывало поинтересовался парень.

— Еще не думала, но что-нибудь придумаю.

— Уверен, Ник скоро предложит тебе поехать в клуб. Там ночная работа, спать некогда будет.

Я судорожно вздохнула, но промолчала, чтобы снова не послать козла в задницу.

— Но у меня есть предложение получше. Поехали ко мне?

С ответом я не медлила ни секунды:

— У незнакомых парней я не ночую.

— Давай познакомимся. Александр. Если познакомимся поближе, разрешу называть Сашей.

Про Никиту Тобольского я уже погуглила, потому поспешила заверить второго Тобольского:

— Ничего не выйдет у нас со знакомством, Александр Сергеевич.

С торца общежития загрохотала мусорная машина, переворачивающая баки в свое нутро и пережевывая их содержимое, и заглушил смех Тобольского.

Я развернулась, чтобы забрать свои сумки с вещами и охнула. Их не было.

Еще раз огляделась, может, Геля забрала и поставила в фойе?

Дернулась к двери, но Тобольский удержал:

– Вещички свои ищешь?

Внутри неприятно похолодело. Очень плохо, что он сразу догадался, чего я хватилась.

Тобольский небрежно кивнул в сторону мусорки и издевательски усмехнулся:

– Им выписан экспресс-билет на тот свет, радость моя. Так что насчет познакомиться поближе?

– Ненавижу!

Выплюнула я, развернулась и сделала шаг к двери общежития. Но Тобольский удержал, вцепившись в запястье.

– Э-э, нет, хорошая моя. У меня задание, подвезти тебя до ночлежки. Не могу же я бросить бедную девочку без помощи.

Я не успела даже вскрикнуть, как меня подтащили к черной дорогой машине, стоявшей за углом общежития, кинули на заднее сидение и заблокировали двери. Сам Тобольский-младший сел впереди и жестом велел водителю трогать.

– Это похищение! Я буду жаловаться!

От страха у меня зуб на зуб не попадал. Вряд ли меня спасут, но Гелька видела, с кем оставила меня. А когда меня хватятся, Тобольских вывернут наизнанку, но накажут. Меня только не спасут, уже не успеют.

– Серьезно? – ухмыльнулся Александр. – Кому? Никите? Так он сам и приказал обеспечить тебя ночлегом.

– А кроме Никиты жаловаться больше некому? Или вы больше никого не боитесь?

С последним я угадала... Тобольский ничего не ответил, но и не рассмеялся в ответ на мой вопрос. А значит, я права. Нет на них управы, кроме Тобольского-старшего. А он точно такой же отмороженный на всю голову.

Мы неслись по темным подмороженным улицам города. Куда-то к окраине. Из-за тонированных стекол я не могла сориентироваться, куда меня везут.

Самое простое, меня выбросят за городом и уедут. Мало приятного оказаться ночью на трассе, но есть шанс вернуться к Гельке, взять телефон и позвонить родителям. Но я в Тобольских верила, они не пойдут простыми путями.

Что будет на этот раз? Снова клуб? Или стоянка дальнобойщиков? Может, вывезут в посадки и привяжут к дереву? Умирать, так весело?

Твари...

Ублюдки...

Ненавижу! И если выживу, найду способ, как им вернуть все мои слезы до капли!

– Ир, что же ты с Ником не договорилась? Я честно думал, что тем вечером все и порешаем.

Тобольский сидел ко мне влоборота, с подсвеченным снизу приборной панелью лицом. Я не могла видеть его выражение, но судя по голосу, он впервые не издевался.

– Знаешь, когда я выходила, то честно, верила, что Ника

там не будет. Ты обещал все уладить.

– Так я уладил. По Стасу мы договорились. У тебя остались счета только с ним. Тут я пас договариваться. Я понятия не имею, чем ты ему насолила.

– Ничем.

– За ничего он не наказывает.

Я фыркнула и отвернулась к окну, неожиданно узнавая наш междугородний вокзал.

Автомобиль стал снижать скорость, подъезжая к центральному входу.

– Переночуешь здесь, – проговорил Тобольский. – И возьми это. Не потеряй. Ник тебя наберет, когда придет время.

Он протянул мне допотопный кнопочный телефон, и как только я его взяла, дверь разблокировалась.

И все?

Просто вокзал и никакого группового изнасилования? Никакого леса, берез и волков?

От облегчения я чуть не разрыдалась. Но сдержалась и без промедления выскочила из машины. Тобольский сразу же уехал, а я осталась у вокзала, сжимая обеими руками телефон.

Сейчас наберу Гельке и вернусь в общагу.

Но у телефона работала только одна кнопка – на прием. Я не могла позвонить. У меня не было денег. Не осталось вещей. И меня не пустят ночевать в общежитие...

Все еще не веря в обстоятельства, я обреченно поверну-

лась к вокзалу.

Неужели мне придется ночевать там?!

А дальше?

* * *

Не знаю, почему родители выбрали именно этот город, чтобы осесть, наверное, потому что здесь были самые продвинутые университеты, а они в первую очередь думали о моем образовании.

Сами они нигде не задерживались подолгу, кочевали по странам в изучении разных биологических видов. Вели записи, писали научные статьи, выступали на конференциях и симпозиумах, и все еще надеялись сделать открытие века.

Пока я была мелкой, я путешествовала вместе с ними, но пришло время остановиться и найти свое призвание.

Родители купили здесь квартиру, поддержали меня во время поступления в универ и снова уехали. А я, недолго думая, сдала квартиру в аренду через агентство и переселилась в общежитие к девчонкам.

Тогда я искала общения. Я так и не привыкла оставаться одна. Совсем одна.

На вокзале места у батарей были заняты такими же скитальцами, как и я. Мне надо было найти место, чтобы подумать. Спать я не собиралась, но из-за стресса меня очень быстро сморило.

Утром проснулась с чувством легкого недомогания и сильного голода.

– Проверка документов и билетов! – слышалось от входа.

Я повернула голову и увидела мужчин в полицейской форме.

Этого еще не хватало. Вместе с вещами на помойку в пережеванном виде уехали и мои документы. Попадать в списки бомжей я не хотела, потому вышла на перрон, заметила, куда уходят те, у кого документов не было, и пошла за ними.

Только через три километра в ограждении железнодорожных путей нашлась дыра. Я пролезла через нее и вышла на трассу через посадки. Три километра обратно дались с трудом.

От озноба у меня стучали зубы, нещадно драло горло, зато есть перехотелось.

К вокзалу я возвращаться не стала. Мне все равно придется идти к общежитию и просить помощи у подруг. Возможно, даже к ректору попрошусь, чтобы помогли восстановить документы.

Только дойти не смогла. Села отдохнуть на скамейке в парке и отключилась.

Проснулась от странного сигнала в кармане.

Состояние ухудшилось, но я не знала, как себе помочь. Достала кнопочный телефон и нажала прием.

– Не нагулялась еще?

– Кто это? Никита?

– Для тебя господин Тобольский.

Я промолчала.

– Хочу, чтобы знала, никто не придет к тебе на помощь. А если все же попытается помочь, расплатится той же монетой. Поняла? Теперь хорошо подумай, кого ты ненавидишь так, чтобы попросить у него помощи?

– Тебя. И всю вашу семейку. Ненавижу, – проскрипела я охрипшим горлом.

– Готова просить?

– Что ты хочешь? Трахнуть меня в клубе? Отдать друзьям? Какая тебе от этого радость? Ну растопчешь ты меня, а тебе от этого где прибудет?

– Ага, значит, пока не готова. Запоминай код: решетка, сто...дцать, звездочка и вызов. Наберешь, когда созрешь отдавать долги.

И этот козел отрубился.

Я продолжала упрямо идти к общежитию, пока до меня доходил смысл его слов. Той же монетой... То есть помощь мне для кого-то обернется проклятием.

Остановилась. Прислонилась к стене и зарыдала, пряча лицо от этого мира.

За что?

Я до сих пор не чувствовала себя виноватой! Я дала отпор Стасу за дело. Его давно пора было остановить.

С другой стороны, а мне какое дело? Пока он не трогал

меня или моих подруг, я могла проходить мимо и отводить глаза, делая вид, что меня происходящее не касается.

Вот только мне было противно! И я не могла молча смотреть, как он издевается и откровенно чморит девчонок.

Теперь же расплачиваюсь. Но не жалею! Ни минуты не жалею, что так поступила.

Уже стемнело, когда я дошла до студенческого городка и заглянула в окна своей бывшей комнаты. Сейчас бы чего-нибудь съесть и выпить горячего сладкого чая... А потом упасть на кровать и завернуться в одеяло. Согреться.

Тобольский debil! Как я могу набрать код на сломанном телефоне?

Я огляделась слезящимися глазами в поисках какого-нибудь теплого угла. Меня колотило, живот сводило от голода, в горле пересохло. Взгляд каждый раз останавливался на светящихся окнах нашей комнаты в общежитии.

Гелька меня не выгонит, но простит ли, когда на следующий же день ее попрут из общежития?

Вряд ли. Да и не смогу я с ней так поступить.

Пошел он нахрен. Я уступлю. Сделаю, что он хочет. Если надо, значит в клуб поеду. Заставит обувь вылизать – плевать. Я переживу одно унижение. Но потом жизнь отдам, но отомщу. И ему, и его брату, и его сыну.

Ненавиж-ж-жу!

Я достала телефон нажала на вызов, и экран загорелся. Хмыкнула, удивляясь простоте человеческой, но нажала ре-

шетку.

На удивление, код, продиктованный Никитой, загорелся на экране самостоятельно без дополнительного набора. Осталось только нажать на вызов.

Господи, ну что у меня есть ценнее жизни? Да ничего. И мне очень важно выжить. Остальное я стерплю. Я нажала вызов.

Тобольский не ответил.

Вот так просто.

Пока я загибалась от холода и голода, слонялась в темноте по студгородку, он мог заниматься чем угодно и игнорировать мой вызов. Это бесило даже сильнее, чем я думала.

Никита перезвонил сам где-то через полтора часа моих настойчивых вызовов по коду.

– Вижу, вижу, что тебе не терпится со мной встретиться и принести извинения, – саркастическим тоном поприветствовал меня Тобольский-старший.

– Да.

– Хорошо. Иди к центральному входу университета. Как подъеду, позвоню и скажу, что будет дальше.

Я добралась до входа за три минуты. Мне все равно, что он придумает, лишь бы поскорее это закончилось. Хочу чай и бутерброды. И чтобы сладкий. И горячий. Очень-очень горячий.

Телефон завибрировал сразу же, как я оказалась напротив входа.

Несмотря на поздний час, возле университета было слишком многолюдно. На меня оборачивались, кто-то здоровался, но никто не торопился расходиться.

– Я на месте.

– Вижу.

Я заозиралась, но никак не могла найти Тобольского взглядом.

– Стою на подъездной дороге в начале аллеи, – подсказал он, подтверждая, что действительно видит меня.

Вот теперь и я его нашла глазами.

Он стоял, небрежно опершись на капот большого черного автомобиля, скрестив ноги, непринужденно беседуя со мной по телефону и одновременно выкуривая сигарету.

– Что я должна сделать? – нервно спросила я, хотя скорее натужно просипела.

– Встань на колени.

Опять? У них один фетиш на двоих? На большее просто фантазии не хватает?

– Здесь? Сейчас? – переспросила я, стараясь не выдать свое отношение к происходящему.

– Да. Здесь и сейчас. Ползи ко мне.

Я еще раз огляделась. Почему преподаватели и студенты не уходят? Потому что Тобольский пообещал им устроить представление? Он может, в этом я уже убедилась.

Я отключила телефон, встала на колени и поползла к нему.

Унизительно.

Больно.

Противно до тошноты руками перебирать по оплеванной, закиданной окурками и голубиным пометом площади. Но я старалась не думать об этом. Я ползла вперед, не спуская взгляда с наглых глаз Тобольского. Мечтала добраться до него и плюнуть в рожу!

Этот козел следил за мной. С самого начала. Ждал, когда я сломаюсь. Звонил, когда хотел простимулировать к действиям... Не верю, чтобы за три минуты он вдруг оказался перед входом в университет. А вот за пару часов, что я дозванивалась до него, мог организовать свидетелей и приехать, чтобы насладиться моим позором.

Ублюдок.

Я добралась до него, уже не контролируя презрительный оскал на своем лице.

Тобольский надеется меня сломать, прятать глаза от стыда каждый день до конца учебы? Или хочет показать, что извращения его сыночка малость по сравнению с тем, что может устроить он?

Так не на ту нарвался. Я дала по яйцам Стасу и найду способ вмазать его папаше. А пока...

Пока я с наслаждением вцепилась грязными руками в его дорогие штаны и стала подниматься, по ходу движения вытирая об него руки.

Получи и свою долю участия в моем унижении.

– Ах ты, мр-р-разь, – прошипел он, криво улыбаясь.

Схватил меня за шкуру и водрузил задницей на капот.

– Улыбаешься? – проговорил он, рассматривая мое лицо.

Только тогда я поняла, что да, продолжаю презрительно улыбаться, потому что не могу ответить. Голос пропал окончательно.

Глава 3. Рудимент

Я сидела перед Тобольским на капоте его навороченной тачки и понимала, что мне уже нечего терять. Я даже закричать, позвать на помощь не смогу!

Кто так жестоко надо мной шутит там сверху?

Но мне безумно хотелось стереть с его лица довольную гримасу. Поэтому я положила руки на отвороты его светлой рубашки и демонстративно вытерла, продолжая глядеть в глаза.

Своего я добилась, настроение Тобольского изменилось.

– Никак не успокоишься, мелкая?

Он неуловимым движением перевернул меня в воздухе и уложил на тот же капот только животом. Я беззвучно заскулила, когда почувствовала его руку у себя между ног.

– Значит, еще не до конца отработала урок. А я долгов не оставляю.

Я пыталась сопротивляться, когда он полез в трусы, но сопротивление быстро пресекли.

– Будешь брыкаться, позову парней, они тебя поддержат.

И я затихла, ломая последние ногти о лакированный капот автомобиля.

– Твою мать, какая узкая, – зашипел сзади Тобольский, пытаюсь просунуть в меня палец.

От боли закусила губу до крови.

– Ты девственница, что ли?

Я всхлипнула и затряслась от рыданий. Не так я представляла себе первую связь. И уж точно не с тем.

– Шутишь? – совсем другим тоном спросил Ник.

И я снова оказалась нос к носу с Тобольским. Он вертел меня как шашлык на шампуре.

– Девственница? – снова прохрипел он, с таким удивленным выражением лица, как будто ему только что сообщили, что Дед Мороз существует.

Я кивнула. Бесполезно юлить. Да и положение у меня не то.

– Сколько тебе лет? Двадцать?

Мотнула головой и попробовала сказать. Не получилось. Показала на пальцах.

– Двадцать один? – еще больше изумился Тобольский. – И до сих пор ни с кем?.. Как ты вообще сохранилась?

Сейчас мы стояли друг перед другом в очень двусмысленном положении. Я все еще сидела на капоте, раскинув ноги и с порванными трусами. А Тобольский уперся руками по обе стороны от моих бедер и наклонился, лицом практически нависая над моим оголенным интимным местом.

Спасали сгустившиеся сумерки. Я мысленно молилась, чтобы меня никто не увидел в таком виде... Хотя казалось, ниже падать уже некуда.

– Девственница... Охренеть, – сокрушался надо мной Тобольский, слишком близко разглядывая мои гениталии.

А потом нагнулся и... поцеловал.

Между ног.

Вбирая губами не совсем чистые складки.

Я замерла, в шоке ожидая расплаты. Но вид внезапно опьяневшего Ника смутил:

– Как же ты восхитительна на вкус.

Шизанутый дебил.

– Есть хочешь?

Я промолчала. Но похоже это был не вопрос, а от меня ответ не требовался.

– Костя, достань покрывало какое-нибудь, чтобы она нам машину не запачкала.

Один из знакомых амбалов обернул меня в тонкий плед и приподнял.

– Может, в багажник, Никита Сергеевич?

Тот поморщился, но покачал головой.

– Пока рано. На заднее и гони в сауну. Сейчас отмоем и будем решать.

Я все время молчала.

К счастью, в сауну меня отпустили одну. Тобольский остался у стойки администратора, а служащая проводила меня в одну секцию, показала, где душ и бассейны с теплой и холодной водой. Передала белоснежное полотенце, новый банный халат, и оставила одну.

Я торопилась. Быстро промыла волосы, прошлась гелем по телу и смыла пену. Очень боялась, что Тобольский устро-

ит неприятный сюрприз. Примерно такой, как в первый вечер. Пригласит своих дружков и закатит развлечение за мой счет.

Но ничего такого не произошло. Я вышла из секции в халате с тюрбаном на голове и увидела Тобольского на кожаном диване, что-то выискивающим в телефоне.

Он поднял на меня глаза. Оглядел с макушки до пят и поморщился.

– Девушка, а у вас есть в прокате какая-нибудь приличная одежда ее размера?

Администратор похоже была привычна к таким вопросам, потому молча смирла меня взглядом, определяя размер, и кивнула.

– Любой тематический костюм. Для вас в подарок.

Тобольский хохотнул:

– Что, Ирка, будешь медсестричкой или юным космонавтом?

Я тоже поморщилась. Кажется, и это были не вопросы, потому что за меня уже решили.

– Неси костюм студентки.

Администратор вышла, а Тобольский встал и подошел ко мне вплотную:

– Знаешь, условия игры меняются. Если ты не соврала... Если ты действительно девственница, то отложим унижение до лучших времен. Для тебя у меня будет более изысканное развлечение. Пока ты девственница – ты моя. И только моя.

Поняла?

Я открыла рот, чтобы спросить, что будет, если я потеряю девственность, но из горла вырвался невнятный хрип. Тобольский словно догадался о вопросе и сам на него ответил:

– А вот если ты лишишься преимущества, то в следующий раз приедешь сюда в багажнике и будешь менять столько тематических костюмов, сколько пожелаю я и мои приятели.

Невольно закатила глаза. Что же как убога их фантазия в части запугивания? Со дня первого знакомства с Тобольскими я уже привыкла к угрозам расправиться со мной в групповухе, так что даже вздрагивать перестала.

– А теперь иди переодевайся. И... не надевай трусы под юбку. Они только будут портить предвкушение.

* * *

Тобольский привез меня в пафосный ресторан, где готовить не умели, зато щеки выставляли как за покупку слона.

Но я не кривлялась. Съела все, что передо мной поставили и выпила все, что наливали в бокал. Последним было шампанское.

– Хорошо, что тебе уже больше восемнадцати. Меня не будет мучить совесть, что спаиваю малолетку.

Я усмехнулась.

– У вас есть совесть? – прохрипела я.

Его сильные пальцы схватили меня за подбородок и раз-

вернули к нему:

– Думаешь, это смешно? Никогда не смейся надо мной.

Я кивнула. Снова вступать с ним в конфронтацию не хотелось.

– Как тебе меню? – поинтересовался Тобольский.

Я пожала плечами:

– Обычное, – говорила беззвучно, одними губами, но Никита понимал. – Тут плохо готовят...

Последнее замечание его удивило.

– Отчего же? Это самый модный ресторан в городе.

– Модный не значит лучший. Захотите произвести впечатление, приглашайте к Заславскому¹.

– Вот как. Значит на тебя модными ресторанами впечатления не произведешь?

Мне не понравился тон Тобольского, но я рискнула спросить:

– А вы на меня пытаетесь впечатление произвести?

– Хотелось бы.

– Тогда точно не дорогими ресторанами. Мои родители ученые международного уровня. Я успела побывать в разных странах мира и попробовать самую изысканную еду от самих мастеров.

Когда я назвала фамилию своих родителей, Тобольский присвистнул и нахмурился.

– Ты мне заливаешь? У тебя другая фамилия.

¹ Заславский Ян – герой любовного романа Аси Невелички “Жаркое из шефа”.

– Бабушкина. Специально взяла на время обучения и до того, как выйду замуж и сменю.

– Значит, с тобой будет не так просто, как я надеялся. Тем интереснее. Вставай. Отвезу в общежитие.

Я осталась сидеть. Тобольский недовольно обернулся.

– Меня туда не пустят вашими стараниями, – пояснила я.

– Все меняется, Ира, все меняется. Поехали.

И действительно, комендант разве что в пол не кланялась, когда Тобольский впихнул меня в фойе общежития.

– Поселим, куда захочет! Можем отдельную комнату, можем гостевые апартаменты...

– Я в свою комнату хочу, – смутилась я. – К Гельке.

Комендант быстро посмотрела на Тобольского, и тот кивнул.

– Тогда проходи. Дорогу знаешь.

Но убежать мне не дали. Никита настоял, чтобы проводить. Мы поднимались по лестнице, когда его рука скользнула по ноге к внутренней стороне бедра.

– Мы еще не закончили, как ты понимаешь.

Я остановилась и повернулась к нему. Хотелось закончить здесь и сейчас, а не тащить его в свою комнату.

Его рука уперлась между ног и чуть погладила. Я непроизвольно сжалась, зажав его пальцы бедрами.

Тобольский протяжно вздохнул и поднял на меня глаза, прикрытые тяжелыми веками.

– Мы будем с тобой встречаться. Это не обсуждается, –

сразу добавил он, когда я приоткрыла рот, чтобы возразить. – Это часть твоих извинений. Но есть условие.

Я молчала. В какой-то момент я поняла, что уже никогда не избавлюсь от Тобольских. Но сейчас по крайней мере смогу позвонить папе и попросить помощи. Так что пусть выдвигает любые условия. Я помашу ему с трапа самолета, навсегда покидая этот город и эту страну.

– Твоя девственность – моя! Захочешь обмануть меня – пожалеешь.

Я кивнула, он убрал руку и отступил.

– До встречи. Беги.

И я побежала, зная, что он не снимет меня с крючка, пока не наиграется.

Гелька обрадовалась моему возвращению, но утром в универ я собиралась с опаской. Если переночевать в общежитие мне позволили, то согласится ли ректор вернуть меня на курс?

Не выгнал. Никто не пришел и не вывел из аудитории. Вот только окончательно я выдохнула, когда все же столкнулась с ректором, и он поздравил меня с возвращением.

Верх цинизма! Но это я тоже запомню.

– Гель, идем купим мне сим-карту. Я должна позвонить родителям.

– Так звони с моего, – подруга подвинула мне телефон, но я замотала головой.

– Я в любом случае попрошу твой, мой-то телефон скон-

чался от столкновения с этими деби... Тобольскими.

– А чего новый не купишь?

– Нет денег. Все мои документы, карты, деньги, все пропало.

Гелька молча обняла меня, но ничего не сказала. Да я и сама знала, что радоваться нужно, что не пропала.

После пар мы вышли из универа, чтобы дойти с гелькиным паспортом до салона связи. В начале площади, у въезда на территорию студгородка, стояли знакомые черные гробы на колесах. Гелька тоже их заметила.

– Твои?

Я обреченно кивнула.

– Опять за тобой?

Пожала плечами. Мне хотелось надеяться, что не за мной, а за Стасом. Кто я такая, чтобы так много уделять мне внимания?

Но из двери вышел амбал и поманил меня пальцем. Я даже обернулась, очень надеясь увидеть за плечом Стаса. Его не было.

– За тобой, – горько вздохнула Гелька. – Иди. Я сама куплю симку.

– Только посмотри, чтоб тариф для междугородних звонков был экономный. Максимально экономный, пожалуйста!

– Иди-иди, я что-нибудь выберу.

И я пошла.

Амбал услужливо открыл мне заднюю дверцу, я села, и

замки сразу же защелкнулись. Меня отпустили, но свобода была только видимостью.

– Поехали, – сказал амбал, занявший место рядом с водителем.

– А куда мы едем? – осторожно поинтересовалась я.

– Увидишь.

– А Никита Сергеевич в курсе?

– Лично распорядился.

– Понятно, – протянула я и замолчала.

Ничего понятно не было. Меня трясло каждый раз, когда я видела то или иное упоминание о Тобольских. Трясло от Стаса, даже от его голоса на другом конце коридора. Трясло от мягкого, словно крадущегося голоса его дяди, просто сулившего очень скорые неприятности. Трясло от его отца, основателя сей безумной семейки.

Но этот сумасшедший дом рано или поздно закончится. Я улечу так быстро, как смогу.

– Приехали.

Я выглянула в глухо-тонированные стекла, ожидая увидеть ресторан Заславского. Ведь Тобольский вчера собирался меня поразить. Может сегодня решил продолжить?

Но мы припарковались возле частной клиники.

– Зачем? – спросила я, чувствуя, что почва уходит у меня из-под ног.

– Никита Сергеевич договорился обследовать.

– У меня есть выбор?

Амбал только усмехнулся и не ответил.

Я вышла из машины и в сопровождении телохранителя пошла в клинику. Там мне улыбались так, что почти выворачивались наизнанку. Помогли переобуться, дали новенький халат и провели к кабинету гинеколога.

– Обследоваться, значит? – хмыкнула я.

– Начнут с самого важного, – сухо подтвердил амбал.

– Ну, конечно. Почему я не удивлена, что *именно* для Толбоських самое *важное*?

Амбал толкнул меня в кабинет и жестом показал врачу на меня. Тот кивнул, словно узнавая. Но он точно не мог меня знать. Я этого гинеколога впервые видела!

– Заходите за ширму, снимайте белье и садитесь в кресло.

После тщательного осмотра, врач отложил инструменты, посмотрел на меня и уточнил:

– Вы Ирина Нестерова, все верно?

– Да.

– Двадцать один год?

– Да.

– Никогда не состояли в интимной связи с мужчиной?

Я напряглась:

– Почему вы спрашиваете? У меня что-то не в порядке?

Врач мягко улыбнулся:

– Нет, физически все хорошо. Но странно, что девственность все еще при вас. Вы лесбиянка?

– Что?!

Моему возмущению не было предела. Я оттолкнула врача, спустила ноги, намереваясь встать с кресла и уйти из этой клиники.

– Это нормальный вопрос, – остановил меня врач, не сдвинувшийся ни на сантиметр. – Никита Сергеевич просил проверить тебя от и до, и, если потребуется, обследовать изнутри. Будет лучше, если ты расскажешь, как расслабляешься. Минет? Анал?

– Я не напрягаюсь, – сквозь зубы процедила давно известный ответ из анекдота.

– Как хочешь, – равнодушно пожал плечами гинеколог. – Тогда тебя ждет полная проверка. Психолог, отоларинголог и УЗИ прямой кишки.

– Я просто не встретила того парня, с которым хотела бы быть вместе, – прямо ответила я, не сводя взгляда с врача.

– В это трудно поверить, но я попробую, – улыбнулся он. – Одевайся. Психолога исключить не могу. Вдруг ты все же с лесбийскими наклонностями.

Он подмигнул, пытаясь списать весь разговор в шутку, и вышел из-за ширмы. Пока я поспешно одевалась, он с кем-то разговаривал по телефону.

– Плева не повреждена. Да, абсолютно уверен. Не восстановленная. Да, отправлю к Пал Андреевичу. Но девчонка на вид совершенно не надкусанная.

Двух слов хватило, чтобы понять с кем разговаривает гинеколог.

С Тобольским.
Ненавижу!
Всех!

Глава 4. Букеты и конфеты

Меня протащили по всем врачам. Психолог копался во мне дольше всего. Мы говорили о моей ориентации, дружбе и влюбленности. Он особенно прикопался, почему я так привязана к Гельке и не обращаю внимания на парней.

– А на кого там внимание-то обращать? На Стасика? Обратила, в результате огребла проблемы с его папашей... Знаете, я не хочу отношений, когда стороны не готовы к ним. Мне не нужны незрелые юноши с ватой вместо мозгов.

На этом психолог внезапно удовлетворился и отпустил меня.

Часа два хождений по кабинетам меня вконец измотали, и я уже взмолилась перед амбалом:

– Отпусти, а? Я есть хочу. Пить хочу. Мне еще лекции переписать нужно!

– Идем, – неожиданно согласился амбал и вывел меня из клиники.

К его машине прибавилось еще две такие же. Настроение у меня упало еще ниже, хотя казалось, куда уж?..

Из средней машины вышел Никита и поманил пальцем. В спину услужливо подтолкнул амбал.

– Снова на колени? – с вызовом спросила я.

Тобольский расхохотался, как будто я пошутила. Но я не шутила.

– Пока не надо. Залезай внутрь. Там тебя ждут подарки.

– Мне ничего не на...

– Залезай, я сказал.

Я только закатила глаза и прошла мимо него в пропахшим им салон. Тобольский сел рядом. А вперед скользнул амбал. Двери закрылись, и наша процессия резво стартанула с мигалками, нарушая все правила движения.

– Телефон. Связь и интернет безлимитные. Пользуйся.

Я прищурилась, пораженная до глубины души щедростью дяди Никиты. Но швыряться подарком не стала. С одной стороны, положение у меня не то, чтобы разбрасываться телефонами, с другой...

– Двухсимочный? – поинтересовалась я, быстро пробегая по экрану пальцем, щелкая меню.

– Да, но вторая заблокирована. Пользуйся той, которую дал.

Его тон четко указывал мое место. Руки с телефоном упали на колени. Смысла изучать подарок больше не было. Буду им пользоваться только для связи с Тобольским.

– Ну, чего приуныла? Это еще не все подарки. Кредитка. Держи.

Я взяла пластик. Без зазрения совести взяла. Они мне прилично задолжали, поэтому буду считать их кредитку компенсацией.

– Безлимит? – поинтересовалась я.

– Обойдешься, – тут же обрезал крылья Тобольский. –

Суммы до пяти тысяч тратишь свободно. Свыше – только после моего подтверждения.

Я скривилась. Тайком билет на самолет уже не купишь. Жаль.

Но как-нибудь выкручусь.

– А теперь я жду благодарности, – криво улыбнулся Тобольский, очень сильно напомнив младшего брата Александра.

– За что? За только что надетый красивый поводок и ошейник с камушками? – я сделала удивленные глаза, но тут же меня осенило. – Ах, точно! Спасибо вам, Никита Сергеевич, за внеплановый полный медицинский осмотр. Надеюсь, с результатами и меня ознакомят. Сфоткаю и вышлю родителям.

– Шутки шутить будешь, когда разрешу, – проскрежетал он и резко схватил меня за затылок, приближая к себе. – И благодарить будешь, когда скажу и как скажу.

А потом его губы накрыли мои.

Я ожидала... Наверное, давления. Что он расплющит мои губы как наши университетские парни, засунет свой язык мне в рот по самое горло, облизывает, искушает губы...

Но нет.

Прикосновения Тобольского были деликатными. Он не врывался в рот, мягко уговаривал впустить его. Губы были полными и сухими. Никита дотрагивался ими до моих, проводил, немного придавливая, чуть отстранялся и касался

снова. Прищипывал мои, но не всасывал, а только оттягивал и снова отпускал.

Раз, еще один... Пока мне не стало любопытно, как он целуется. И я приоткрыла рот.

На этом поцелуй резко прекратился. Тобольский отстранился и довольно улыбнулся.

– Приехали. Отдыхай. Вечером позвоню.

Дверь сзади меня тут же открылась, я чуть не вывалилась из машины. Амбал удержал, даже помог выйти, а потом закрыл дверцу, отрезав меня от внимательного взгляда Никиты Сергеевича, обошел машину, сел, и они уехали.

А я так и осталась стоять у общаги потерянная, удивленная и сжимающая в одной руке телефон, в другой кредитку.

Гелька мне обрадовалась, как родной.

– Ирка, я каждый раз как последний тебя провожаю! У-у-у, уроды, запугали! Уже весь универ на ушах из-за них стоит.

– Может, не на ушах, а под плинтусом? – переспросила я.

– И там тоже, – отмахнулась подруга. – Когда они от тебя отстанут?

Я пожала плечами.

– Наверное, когда сама от них сбегу. Гель, идем покупать телефон и симку. Я деньги с кредитки сниму и отдам тебе частями, ладно?

– А купить сама с кредитки не можешь? – удивилась она.

– Не могу... Он дал мне лимит в пять тысяч, все что дороже с разрешения папочки.

– Же-е-есть.

– И не говори. Но я подумала... Не обновить ли нам гардероб?

Лицо подруги сразу озарилось радостью, но ненадолго.

– Тебе вообще все заново покупать придется.

– А заодно и тебе обновим. Дядя Никита щедрый. И лично мне задолжал.

Мы не сговариваясь натянули джинсы, быстро накрашились и побежали в ближайший торговый центр опустошать их полки.

До вечера я устала так, что забыла про телефон, звонок родителям, и сразу после душа отрубилась, надеясь выспаться.

Про Тобольского я тоже забыла.

И его звонок не услышала.

Утром меня пробил озноб, когда увидела пропущенный. Руки мелко задрожали, я вскидывалась на каждый резкий или громкий стук, в каждом предугадывая час расплаты.

– Ты идешь? – Гелька остановилась в дверях комнаты.

– Ты иди. Я догоню.

Подруги тем и ценны, что все понимают без слов. Геля перекрестила меня пальцами и ушла. А я открыла список контактов, совершенно не удивилась, когда нашла там единственный номер телефона и набрала.

После длинных, в целый год моей жизни, пяти гудков, Тобольский соизволил ответить:

– Что это было?

– Где? – его вопрос поставил меня в тупик.

– Ирочка, ты должна наизусть заучить одно простое правило – я дважды не повторяю, а то, что говорю, исполняется с первого раза. Повтори.

– Вы правы. Если я прослушала, то вы все равно правы... Никита Сергеевич, я правда не хотела...

– Меня это не волнует. Ты изменила мои планы на вечер. А я охренеть как не люблю, когда все идет не по плану.

– И что теперь делать? Я просто не ответила на звонок. Вряд ли это могло сильно что-то поменять. Тем более ваши планы.

Ответом стало молчание. Он не отбил вызов, но и не отвечал. Я начала нервничать. Что еще его извращенный мозг придумает? Точно знаю, мне не понравится.

– Никита Сер...

– Зови меня по имени.

– Так я же... – мысленно прикусила язык и исправилась. – Хорошо, Никита. Я хочу исправить вчерашнюю оплошность. Скажите как?

– Я подумаю, – и отключился.

До самого вечера я сидела на иголках, ходила на иголках, даже обедала тоже на иголках, не в состоянии отключиться от ожидания возмездия.

– Прекрати уже дергаться, – отругала меня Геля. – Я нервничать из-за тебя начинаю.

– Не представляешь, как нервничаю я!

– И не хочу. Что тебя успокоит?

– Звонок маме и папе! – вспомнила я и чуть не опустилась на колени перед подругой. – Пожалуйста, пойдем купим телефон и симку!

– Идем.

Потратили мы чуть больше, чем рассчитывали, а снимать наличку с кредитки до того, как расплачусь за провинность перед Тобольским, не хотелось.

– Я тебе позже отдам, ладно?

С нетерпением ждала, когда наступит час для приличного звонка. Поднимать родителей в три ночи по их времени такое себе. Одна новость, что я срочно хочу бросить здесь обучение и прилететь к ним в другой конец света, сильно их обеспокоит. Так лучше сообщать эту новость чуть попозже. Когда они выспятся и позавтракают хотя бы.

У меня приближался вечер, а у них благословенное утро. Нервы уже были напряжены до предела.

– Мам! Меня слышно?

Звук немного запаздывал. Мы привыкли общаться с паузами. Сначала много лишних вопросов, о здоровье, о благополучии, об оценках и прочем.

– Мамочка, у меня небольшие неприятности. Сразу говорю, *небольшие*! Не волнуйтесь!

– Что случилось? Господи, Ира, у нас через сутки самолет в Южную Америку. Экспедиция, где не будет связи и воз-

возможности помочь. И отменить командировку мы не можем! Говори же, что случилось?

Я выслушала маму, злясь на паузы и необходимость за них платить. Время по роумингу утекало слишком быстро.

– Мне нужны деньги. Я хочу уехать отсюда.

– Куда? Малыш, папа прямо сейчас переведет тебе на карту сколько надо.

– Мама, на карту не надо! Я потеряла старую. Я прилечу к вам, и мы все сделаем.

– Мы улетаем! Скажи, куда перевести деньги.

На меня накатила паника. Я поняла, что сама ступила, не взяв новую карту в банке. Да мне ее без документов и не дадут! А главное, я не смогу быстро восстановить документы. А без документов не смогу улететь!

Я в ловушке.

– Ой, мам, уже не надо. Мне Геля займет! Удачной вам экспедиции. Постараюсь прилететь к вам на каникулы. Не беспокойтесь за меня. У меня *все хорошо*! Папу целуй! Я люблю вас. У меня заканчивается время! Люблю! Берегите се...

На этом связь оборвалась. Я подождала, когда родители сами перезвонят, но звонка не было. Наверное, они успокоились и посчитали мой звонок ребячьей выходкой.

Иногда я дурачилась, и теперь мне за это прилетело.

– Что будешь делать? – озабоченно поинтересовалась Геля.

Я пожала плечами.

– Отрабатывать. Ну что он может от меня хотеть? Если подарил карту и телефон, значит, не убьет. Скорее, заставит с ним спать.

– А ты? Ты же не...

Я покачала головой:

– Когда-нибудь это все равно бы произошло. Жаль, что с ним, но я потерплю. Большой любви ведь потеря девственности не помеха?

– Нет, – согласилась Гелька. – Даже наоборот. Сначала лучше разобраться в парне, прежде чем влипнуть с ним в отношения.

– Вот за это я тебя и люблю! – засмеялась я, потом обняла подушку, прислонилась к шкафу и спросила. – Расскажи, как это, в первый раз? Что чувствуешь? Как это происходит?

Геля отвела взгляд, разглядывая завалы на нашем шкафу, и сморщилась:

– Первый раз самый стремный. Ожидаешь чего-то волшебного... Знаешь... цветочки, там, радужки, бабочек в животе. А на самом деле, как будто гинеколог вторгается в твою дыру с расширителем не по размеру. И у тебя глаза на лоб вылезают, а он все сует и сует... Буэ!

Я сильнее обняла подушку.

– А дальше?

– Дальше просто лежишь под ним и думаешь, скорее бы закончилось, скорее бы закончилось. И вот знаешь... Как бы

тебя ни перло от первого парня, после такого секса встречаться с ним уже не хочется. И бабочек в животе больше нет. Наоборот, видишь его и буэ.

Тут мы обе заржали.

– А как тогда ты решилась на второй раз?

– Снова бабочки. Только теперь от другого. Он меня так сжал за плечи, так посмотрел в глаза, что я поплыла. Ноги в миг ослабли, руки затряслись. А он нагнулся и засосал. Внутри все заныло. И я поняла, хочу! Умереть, как хочу его внутрь!

– И? Снова было «буэ»?

– О, нет, – загадочно улыбнулась Геля. – Было фантастически! Я не представляла, что такое вообще возможно. Знаешь... Это как трешься, трешься, а все мало! И хочешь еще и еще. В общем, в этот момент я поняла, что пропала. Люблю его, сил нет!

– А он?

– А он трахнул и исчез, скотина. Я страдала, думала, со мной чего-то не так. А потом поняла, что у парней вообще все по-другому устроено. И у меня это не любовь, а очарование сексом. Это я уже с третьим поняла. Его я не любила. И бабочек не было. Просто немного выпили, расслабились, начали целоваться и под конец трахнулись. И знаешь...

Гелька замолчала, задумавшись.

– Что? – поторопила я.

– С ним тоже все было классно. Но ни он, ни я не сходили

с ума друг по другу. Это просто физика, Ир. Может, ты даже привыкнешь к сексу с Тобольским. А может, тебе нравится начнет.

– Это вряд ли. Меня от него в дрожь каждый раз бросает.

– Тут главное, первый раз пережить и не заикливаться на боли, понимаешь?

– Будем надеяться, что ему от меня нужна только девственность. Он словно опьянел, когда узнал, что я еще ни с кем... К врачам меня потащил, прикинь?

– Ну точно псих! – поставила диагноз Гелька.

– Да. У них это семейное, – согласилась я.

Мы сели за лекции, когда дверь резко распахнулась и вошел сам Тобольский. В дверях застыли два его амбала.

Мы с Гелей молчали, а Тобольский в три шага пересек нашу комнату, потом обратно, посмотрел на потолки, на шкаф и нашу самопальную плитку, на которой мы иногда готовили, подогревали еду из столовой или кипятили чайник. Пристальным взглядом оценил наши постели, потом повернулся ко мне.

– Собирайся. Ты переезжаешь.

– Куда? – сразу среагировала Гелька.

– Зачем? – расстроено спросила я.

– Потому что мне здесь неудобно. Ты будешь жить там, куда мне удобно приезжать. Пятнадцать минут. Парни помогут с сумками.

Сказал и вышел, унося с собой шлейфом нашу ненависть

и презрение.

– И как же теперь... – начала Гелька, но я только пожала плечами.

Решила взять с собой пару шмоток, а дальше сориентируюсь, как поступить.

– Я тебе по мессенджеру сообщу. И фотки скину, – ободряюще подмигнула я подруге и вышла следом за амбалами.

* * *

Хотя я и знала, что Тобольские живут на широкую ногу, не представляла насколько!

Меня привезли в один из небоскребов, где располагались бизнес-центры самых крупных фирм страны и зарубежные представительства, где в пентхаусах жили самые богатые и знаменитые люди, где в лифте можно было столкнуться с такими звездами, встреча с которыми даже не снилась.

А когда я зашла в свою новую квартиру на сорок втором этаже, дух захватило от панорамного вида из окон на весь город, лежащий под ногами. Голова закружилась и даже покачнуло.

Вот тогда на плечи легли руки Никиты. Он удержал и прошептал на ухо:

– Нравится?

Я кивнула. У меня от потрясения сел голос, я не могла произнести ни звука. А еще сработала быстро выработавша-

яся привычка напрягаться, когда вблизи Тобольский. Он до сих пор был слишком непредсказуемый.

Хотя это еще вопрос – будет ли когда-нибудь понятен. Видимо, его только психиатр может предсказать.

– Идем, покажу тебе спальню.

Никита отошел, а я резко обернулась.

– Сейчас?

Он только загадочно улыбнулся.

Извращенец!

Амбалов в квартире уже не было. Только я и Тобольский. Ах да, и демонстрация спальни.

Никита взял меня за руку, неожиданно нежно скользнув пальцами по запястью, прочертил по ладони и ухватился за кончики моих.

Я в любой момент могла освободиться от его хватки, но пока не стала. Любопытство пересилило.

Он открыл боковую панель, ведущую в спальню, и я зачарованно ахнула.

Помимо огромной кровати, под потолком были протянуты невидимые нити с подсветками-гирляндами, имитирующими звездное небо. А панорамный вид из окон освещал спальню оранжево-розовыми красками заката.

Очень романтично и совершенно не к нашей ситуации с Тобольским.

– Ну как? – насмешливо спросил он.

– Дух захватывает, – призналась я. – Но можно же не пе-

реезжать сюда, а просто встречаться...

– Нельзя, – отрезал Тобольский, и его настроение мигом переменялось.

– Почему?

– Потому что кто-то игнорирует мои звонки, назначенные встречи... Меня...

– Я вас не игнорирую. Это довольно трудно сделать.

– Но ты постоянно пытаешься. Поэтому будешь жить здесь и находиться под рукой.

Внутри меня, наперекор страху перед Тобольским, клоко-тало.

– Вот скажите, как с таким властным отцом могло получиться такое чучело, как Стас?

Я не заметила его движения, но в следующую секунду была опрокинута на постель. Тобольский навис надо мной, а его лицо исказила гримаса:

– Никогда не смей обсуждать меня или мою семью. Это понятно?

Как я могла забыть?!

Я старательно закивала, надеясь, что он меня отпустит, но нет...

Тобольский склонился ниже, прижимая меня к кровати жесткими бедрами с четко выраженной эрекцией.

Кажется, я знала, что у него в планах на *этот* вечер.

Глава 5. Переезд

Пока я мысленно измеряла орган Никиты Тобольского, прикидывая, насколько мне будет больно при лишении девственности, он подушечками пальцев очертил мои скулы и скользнул по губам.

– Прекрасна и невинна. Это сводит с ума. Можешь себе представить?

Я ему ответила так, как ответила бы любому, без скидки на положение.

– Вас – еще безумнее? Куда уж больше!

И тут же получила легкий удар по щеке. Взвыла и отвернулась. Я понимала, что Тобольский даже силу не вложил, но скула неприятно ныла и горела от пощечины.

– Я заметил, что чем больше тебя гнешь, там сильнее ты сопротивляешься, – тихо проговорил он.

– Это плохо? Нужно прогибаться и вылизывать?

Никита невесело ухмыльнулся:

– Гибкость в жизни очень пригождается, Ира. А вот предложение вылизывать, особенно твоим языком, мне очень нравится.

– Я не это имела в виду, – поторопилась я расставить все точки над «і», – Связываясь со мной, вы должны были понять, что я не из тех, у кого смысл жизни угождать за деньги. Мне ваши деньги не нужны. И квартиры. И внимание. Про-

сто оставьте меня в покое!

Последнее я протянула уже на повышенных тонах, в которых сквозили истерические нотки.

– Не могу, – также тихо и спокойно проговорил он и зажал мое лицо пальцами.

Сдавил так, что говорить я больше не могла.

– Как было бы здорово получить тебя, просто заплатив. Но ты горячка. И я боюсь...

Тобольский сделал паузу, а я из-за его пальцев не могла спросить, хотя мне было глубоко плевать, чего он боится.

– Я боюсь, что гнуться ты можешь только до определенного предела, а потом сломаешься. Но давай проверим, где этот предел.

Конец Тобольский уже шептал, снова обрисовывая скулы пальцами. Теперь без прежней осторожности.

– От моего желания ничего не зависит? – попыталась поторговаться я.

– Нет, Ира. Учитываются только мои желания. А ты запоминай правила. Их немного, но они отлично облегчают жизнь.

– Кому?

Тобольский расхохотался, а потом дотронулся губами до пульсирующей от удара скулы.

– Нам. Тебе, – он еще раз легко поцеловал, оставляя на щеке мокрый след. – Мне.

Его губы переместились и снова дотронулись до щеки.

– Напомните, зачем я вас терплю и слушаю? – но не успела договорить, как пожалела.

– Люблю дерзких. Те, кто вылизывает за деньги – продажные. Лижут любому, кто больше заплатит. А гордые – идейные. Таким просто нельзя оставлять выбора, – Никита усмехнулся. – У тебя просто нет выбора, Ира. Поэтому ты терпишь, пока не войдешь во вкус.

Больше мне было не до разговоров.

Тобольский качнул бедрами, и я снова почувствовала его напряженный член, прижатый к моему телу. Но в отличие от меня, он сосредоточился на лице. Обводил пальцем линии, потом повторял движение губами, затем языком.

Я терпела.

Нужно быть извращенкой, чтобы такое полюбить. Но Тобольскому явно нравилось. Он вылизывал меня, как кот мороженое, под конец уже пощипывая губами и прикусывая.

В некоторых местах было даже приятно. Я поняла, что закрыла глаза и растворилась в его прикосновениях, когда он добрался до век.

Я смешалась в его запахе. Какой-то дорогой незнакомый парфюм, но с тонкими мускусными нотками. И мне нравился этот запах на его коже. В нем было что-то еще. Может, гель для бритья, или лосьон после...

С закрытыми глазами ничто не отвлекало от разбора аромата на составляющие. А вот когда я уловила запах мятной зубной пасты, то широко распахнула глаза и уставилась на

Никиту.

Его лицо было слишком близко, чтобы рассмотреть. Да и не собирался он играть в гляделки. Тобольский совершенно точно намылился поцеловать меня всерьез. А я еще помнила его поверхностные поцелуи, и память услужливо подкинула воспоминания, как я хотела большего.

В теле непонятно откуда взялась странная тяжесть и медлительность. Я с трудом подняла руку, приложила ладонь к колючей щеке Никиты и облизала вмиг пересохшие губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.